

Курт Воннегут

Курт
Воннегут

Вампитеры, фо́ма
и гранфаллоны

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)я44
В73

Серия «XX век — The Best»

Kurt Vonnegut

WAMPETERS, FOMA AND GRANFALLOONS

Перевод с английского *В. Миловидова*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Dial Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Воннегут, Курт.

В73 Вмпитеры, фóма и гранфаллоны : [сборник] / Курт Воннегут ; [пер. с англ. В. Миловидова]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 288 с. — (XX век — The Best).

ISBN 978-5-17-103956-1

Великолепная подборка эссе, интервью, критических статей и публицистики самого яркого периода творчества великого американского писателя — с середины 1960-х до середины 1970-х годов.

Эту книгу называли «смешной и пугающей, трогательной и печальной», но сам Воннегут говорил о ней так: «Я просто пытался говорить голую правду, без художественных прикрас». Итак: «смеющийся порок Апокалипсиса» Курт Воннегут — о писательстве и писателях, о научной фантастике и великих мистиках, о политике, войне, серийных убийцах, космонавтике, Африке, массовой культуре — и вообще обо всем на свете... так, как умел рассказывать только он!

УДК 821.111-3(73)
ББК 84(7Сое)я44

© Kurt Vonnegut, 1965, 1966, 1967, 1968, 1969,
1970, 1971, 1972, 1973, 1974

© Перевод. В. Миловидов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-103956-1

*Посвящается Джил,
которая меня фиксанула*

*I have traveled extensively in Concord.
Немало странствовал я вокруг Конкорда.*

ГЕНРИ ДЭВИД ТОРО

ВСТУПЛЕНИЕ

Уважаемый читатель!

Название этой книги составлено из трех слов, которые можно найти в моем романе «Колыбель для кошки». Слово «вампитер» обозначает некий объект, вокруг которого могут вращаться жизни людей, иначе никоим образом друг с другом не связанных. Примером такого объекта способен послужить Святой Грааль. «Фóма» представляет собой различные формы безобидной лжи, предназначенной для утешения слабых душ. Пример: «До благосостояния — рукой подать». «Гранфаллон» — это исполненное гордости, но совершенно бессмысленное объединение человеческих существ. Взятые все вместе, эти слова являют собой лучший из возможных «зонтиков» для предлагаемого вашему вниманию собрания написанных мною рецензий и очерков, а также некоторых из произнесенных мною речей. Большинство своих речей я никогда не записывал.

Меня хлебом не корми — дай только произнести речь. О, как я люблю аплодисменты! Не меньше, чем легкие деньги. Но однажды, когда я в очередной раз разглагольствовал со сцены в зале библиотеки конгресса, изображая философа, явившегося прямо из прерий Среднего Запада, словесный поток, который струился из меня, вдруг прервался, словно кто-то завернул кран, находившийся в моей голове. Больше я не мог ничего сказать.

И это стало концом моей карьеры оратора. Несколько раз после этого я еще выступал, но куда делся тот словоохотливый болтун, которого я так легко изображал?

Самой вероятной причиной того, что я заткнулся, стал вопрос, прозвучавший из зала. Средних лет человек, задавший мне его, показался мне недавним эмигрантом из Центральной Европы.

— Вы вождь американской молодежи, — сказал он. — Какое право вы имеете учить их быть такими циничными пессимистами?

Не был я никогда вождем американской молодежи! Я был писателем, которому, по правде говоря, больше пристало бы сидеть дома и сочинять, а не искать легких денег и громких аплодисментов.

Могу назвать несколько хороших писателей Америки, ставших замечательными публичными ораторами, но которым теперь трудно сконцентрироваться во время работы — так им не хватает аплодисментов.

Тем не менее, я думаю, что публичные выступления для успешного поэта, прозаика или драматурга единственный способ сделать хоть что-то в сфере политики. Если писатель задумает обручить политику и художественный вымысел, то изуродует свою работу до неузнаваемости.

Одна из многих нелепостей американской экономики: писатель получит гораздо больше денег за выступление в нищем колледже, чем за гениальный рассказ, напечатанный в журнале. Более того, он может продать и перепродать свою речь, и никто на него не обидится.

Люди вообще редко обижаются на плохие речи — даже на такие, что стоят тысячу долларов и больше. Кроме того, меня всегда интересовало, а слушает ли эти речи хо-

тя бы один человек? Однажды перед тем, как мне предстояло произнести речь перед людьми из Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы (она включена в эту книгу), я выслушал любопытное мнение по этому поводу.

Я ждал своего вступления, и меня буквально тошнило от ужаса. Перед аудиторией мы сидели трое в ряд: знаменитый старый архитектор, я и президент академии — три обтянутых кожей скелета; и мы разговаривали друг с другом, как осужденные, на глазах у охраны планирующие дать деру.

Надеясь, что архитектор успокоит меня, я сообщил ему, что мне страшно. Но он без тени сочувствия сказал — да еще так, чтобы слышал президент, — что тот читал мою речь и она вызвала у него отвращение.

Я повернулся к президенту и спросил, так ли это.

— Да, — промолвил он, — но пусть это вас не беспокоит.

Я напомнил президенту: несмотря на то что речь моя отвратительна, я обязан произнести ее.

— Никто не собирается слушать то, что вы им скажете, — заверил он меня. — Людей редко интересует содержание речи. Они просто хотят понять — по вашему тону, жестам, выражению лица, — честный вы человек или нет.

— Спасибо, — поклонился я.

— Если что, я наведу порядок, — пообещал президент.

И он навел. А я произнес речь.

В наш фантастический век трансплантации органов и иных форм терапевтической вивисекции было бы нелепым протестовать против того, что тебя препарировуют живьем. Именно этим сейчас и заняты два молодых университетских профессора, Джером Клинкович из Уни-

верситета Северной Айовы и Джон Соумер из Учительского колледжа штата Канзас. Они опубликовали книгу «Воннегут», которая иначе как поминальной не выглядит и представляет собой сборник посвященных мне статей. Теперь они задумали следующий шаг: сборник всех моих текстов, ранее не появлявшихся под книжной обложкой.

Эти люди предоставили моему издателю чудовищно полную библиографию. Я не веду записей относительно сделанного и рад бываю забыть многое из того, что уже написал. Клинкович и Соумер провели следствие, осудили меня и вынесли приговор, освеживший мою память. Хотя их намерения и были самыми дружественными. Они видели себя такими археологами, добывающими из-под земли древние артефакты, которые помогли бы объяснить, кем я в итоге стал. Хотя самые отвратительные артефакты были относительно недавнего происхождения. И, изучив этот мусор, который, вне всякого сомнения, относился к продуктам моей жизнедеятельности, я почувствовал себя совсем не так, как дух Тутанхамона, прославленного археологами. Убийственно живым, да еще и обвиняемым в самых жалких, самых убогих преступлениях и проступках — вот как я себя почувствовал!

Из этого мусора я и составил книгу. Мне не удалось бы сделать это без помощи Клинковича и Соумера, которые одни знали, где закопаны почти все трупы. Не ведают они только о трех-четырех моих работах. Но даже великая — самая изуверская попытка из тех, что были изобретены жителями Земли за время их существования, — не заставила бы меня открыть место и время их публикации.

И вместе с тем мне не стыдно за то, что я публикую в этой книге. Я даже рад, что удалось сохранить значительную часть этих материалов. У меня есть несколько коротких рассказов, которые я никогда не включал в сборники. Пусть они так и останутся никому не извест-

ными — все, за исключением одного текста, именуемого «Стойкость»; это был сценарий для так и не снятого короткометражного научно-фантастического фильма. Данный текст будет единственным художественным произведением в книге.

Все же остальное, что вы найдете под этой обложкой, — мои попытки говорить по различным поводам голую правду, лишённую орнамента фикциональности. И это заставляет меня начать беседу о том месте, которое в современной литературе занимает «новый журнализм», противопоставляемый мною литературе вымысла.

Первым «новым журналистом», о ком я могу сказать хоть что-нибудь осмысленное, был Фукидид. Поставив себя в центр своих правдивых историй, он стал по-настоящему знаменитым; когда ему не хватало сведений, он прибегал к догадкам, но в любом случае полагал полезным увлекать и развлекать своих читателей.

Да, Фукидид был опытным учителем. Ему не хотелось, чтобы ученики клевали носом над его правдивыми историями, а потому, рассказывая их, он прибегал к помощи поразительно человеческого языка, и они легко запоминались.

Фукидидом следует восхищаться за его стремление стать полезным, за то, что он старался быть хорошим гражданином. Те из моих современников, кто пишет или учит исходя из подобных принципов, также достойны всяческой похвалы. Поэтому я симпатизирую Хантеру Томпсону, например, как и пишу об этом в рецензии, включив ее в эту книгу.

Принадлежу ли я к «новым журналистам»? Наверное, да. В книге есть кое-что от данной манеры письма — там, где я повествую о Республике Биафра или о конвенции Республиканской партии в 1972 году. Все это написано в свободном стиле, с долей субъективности.

Но больше на такого рода тексты меня не соблазнить. Раньше я еще колебался, но теперь твердо убежден, что литература вымысла — гораздо более правдивый способ излагать истину, чем «новый журнализм». Или, если сказать иначе, лучший вид «нового журнализма» — фикциональная литература.

Любой художник — репортер. Но «новый журналист» не в состоянии сообщить или показать своему читателю столько же, сколько способен сообщить или показать писатель, использующий в качестве инструмента художественный вымысел.

Есть много таких мест, куда первому путь закрыт, в то время как второй может повести своего читателя куда угодно, даже на Юпитер — в том случае, если там есть нечто, что следует увидеть.

Но в любом случае, и это принципиальный момент, усвоенный мною в Американской академии искусств и литературы: главное не то, говоришь ты правду ли нет. Главное — производишь ли ты впечатление честного человека.

Размышляя о журналистике и литературе, я вспомнил, как много лет назад, во время урока по физике на первом курсе Корнелльского университета, стал свидетелем демонстрации различий между шумом и мелодией (в любом американском университете физика на первом курсе — самый адекватный предмет). Профессор взял небольшую деревянную пластинку длиной с армейский штык и с силой швырнул о стену класса, сделанную из шлакоблоков.

— Это шум, — прокомментировал он возникший звук.

Затем он взял еще семь примерно таких же пластин и принялся быстро бросать их об стену — так, как бросают метательные ножи. И пластинки, ударяясь о препят-

ствии, сыграли первую фразу песенки «У Мэри был барашек белый». Я был очарован.

— Это мелодия, — пояснил профессор.

Так вот: литература вымысла — мелодия, а журналистика — старая или новая — всего лишь шум.

Еще этот профессор читал лекцию о равновесии. В классе стоял ряд шкафчиков высотой по пояс и длиной футов двадцать, из-за которого профессор и говорил, при этом к его пальцу был привязан шнурок, и он, объясняя про равновесие, постоянно дергал за него, словно играл в «йо-йо», хотя саму игрушку из-за шкафов мы не видели.

Продолжалось это бóльшую часть урока. Наконец профессор поднял руку, чтобы мы могли увидеть, что же у него на конце шнурка. Это была деревянная рейка длиной двадцать футов, привязанная ровно за середину.

— Это и есть равновесие, — объяснил профессор.

Я постоянно теряю и вновь обретаю равновесие, что и есть сюжет всей популярной литературы. Да я и сам произведение литературы. Помню, однажды я встретился с театральным продюсером Хилли Элкинсом. Тот недавно купил права на экранизацию «Колыбели для кошки», и я изо всех сил старался показаться цивилизованным человеком — отпустил какие-то достойные этой роли замечания, на что Хилли, покачав головой, сказал:

— Нет, нет и еще раз нет. Нужно говорить это в стиле Уилла Роджерса, а не Кэри Гранта.

Сейчас наконец я обрел равновесие. Сегодня утром получил записку от читателя, которому только что исполнилось двадцать лет. Он прочитал мой последний роман «Завтрак для чемпионов» и написал: «Мистер Воннегут, пожалуйста, не убивайте себя!» Да благословит его бог! Я ответил, что со мной все в порядке.